

Мятеж

Автор:

Анатолий Гусев

Мятеж

Анатолий Алексеевич Гусев

Корниловский "мятеж" – случайная провокация Керенского, которой воспользовались большевики.

Анатолий Гусев

Мятеж

Пролог

Лишь два пути раскрыты для существ,

Застигнутых в капканах равновесья:

Путь мятежа и путь приспособленья.

Максимилиан Волошин.

В начале июля 1917 года было подавлено стихийно вспыхнувшее в Петрограде пробольшевистское восстание. Для большинства руководителей большевиков оно стало явной неожиданностью. Красногвардейские отряды обезоружены и разогнаны, большевицкие газеты закрыты, в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов власть перешла в руки меньшевиков и эсеров. Руководители большевиков арестованы, и содержатся в Петропавловской крепости. Вождь большевиков – Ленин вместе со своим соратником Зиновьевым скрывается где-то от охраны Временного правительства. Большевики вынуждены перейти на нелегальное положение.

Александр Фёдорович Керенский, военный министр Временного правительства занял должность министра-председателя вместо ушедшего в отставку Георгия Львова, назначенного лично Николаем II после своего отречения.

В Таврическом дворце эсеро-меньшевистский Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов назвал большевиков заблуждающимися, но честными борцами и попытку представить их вождя Владимира Ленина германским шпионом, а их всех обвинить в государственной измене, не более чем происки контрреволюции.

У большевиков остался ещё шанс, взять реванш.

Все эти события авторитета Временному правительству не прибавили, порядка по-прежнему не было, царила анархия и неразбериха. В стране требовалось навести порядок.

1

На вокзал города Могилёва, где в это время находилась Ставка Верховного Главнокомандующего генерала Алексея Алексеевича Брусилова, прибыл поезд министра-председателя и, одновременно, министра армии и флота Александра Фёдоровича Керенского. Прибыл для назначенного на этот день – 16 июля – совещания о выработке неотложных дел по армии. Совещание назначено на 15 часов, прибытие поезда было намечено на 14 часов 30 минут, но он прибыл на

час раньше. К огромному неудовольствию министра-председателя его никто не встречал: ни сам генерал-адъютант Брусилов, ни, хотя бы, его начальник штаба генерал-лейтенант Лукомский.

Как раз в это время главнокомандующий слушал доклад своего начальника штаба о положении дел на фронтах. Узнав о прибытии Керенского, Брусилов решил не прерывать доклад Лукомского, а послал своего генерала для поручений с извинениями и просьбой прибыть в Ставку в назначенное для совещания время.

Керенский высокий красивый брюнет с умными карими глазами и хищным орлиным носом, в своём обычном полувоенном френче с удивлением выслушал посланца от Брусилова. Потом началась истерика. Керенский размахивал руками, топал ногами, нервно бегал по вагону.

– Это возмутительно! – кричал он. – Что он себе позволяет! Так игнорировать главу правительства! Возможно ли было такое при царском режиме? Демократия демократией, но всему же должен быть свой предел, субординация, в конце концов!

Наконец, успокоившись, Александр Фёдорович опустился в кресло и обратился к своему шурина полковнику Барановскому:

– Владимир Львович, не сочтите за труд, сходите, пожалуйста, к генералу Брусилову и потребуйте от него немедленно явиться сюда для доклада.

Вскоре Алексей Алексеевич явился в вагон к Керенскому. Пожилого генерала молодой тридцати шестилетний министр-председатель встретил холодно. Он ни в чём не упрекнул Брусилова, спокойно сидел в кресле за столом и слушал его доклад. Время приближалось к четырём часам дня, а совещание было назначено на три часа, их ждали.

– Александр Фёдорович, – сказал Брусилов, – нас ждут. Не благоугодно ли будет Вам отложить совещание или поторопитесь ехать?

Керенский милостиво согласился.

В двухэтажном губернаторском доме, где располагалась Ставка, Брусилова и Керенского ждали: генералы Алексеев, Рузский, Лукомский, генерал-квартирмейстеры Ставки – Романовский и Плющик-Плющевский, главнокомандующий Северным фронтом генерал Клембовский и Западным фронтом генерал Деникин со своим начальником штаба генералом Марковым, комиссар Юго-Западного фронта Савинков. Вместе с Керенским прибыл министр иностранных дел Терещенко.

Совещание началось. Первым выступил Брусилов. Речь его была краткая, осторожная, выражения неопределённые. Но и эту речь нетерпеливо оборвал министр-председатель:

– Алексей Алексеевич, мы собрались выработать конкретные шаги по восстановлению боеспособности армии. Прошу высказываться конкретно и определённо.

Предоставили слово генералу Деникину. Антон Иванович откашлялся и начал:

– С глубоким волнением, и в сознании огромной нравственной ответственности, я приступаю к своему докладу; и прошу меня извинить: я говорил прямо и открыто при самодержавии царском, таким же будет моё слово теперь – при самодержавии революционном.

Доклад обещал быть долгим и обстоятельным. Деникин цитировал донесения командиров частей и резолюции солдатских митингов:

– Фронтальной комитет 8 июня вынес постановление – "не наступать"; 18 июня перекарсался, и высказался за наступление. Комитет 2-ой армии 1-го июня решил не наступать, 20-го июня отменил свое решение. Минский совет рабочих и солдатских депутатов, 123 голосами против 79-ти, не разрешал наступать. Все комитеты 169-й пехотной дивизии постановили выразить недоверие Временному

правительству, и считать наступление "изменой революции".

Керенский разглядывал собравшихся генералов. Все были худые поджарые как зимние волки, только Деникин и Романовский имели склонность к полноте.

Деникин продолжал:

– У нас нет армии. И необходимо немедленно, во что бы то ни стало создать ее. Новые законы правительства, выводящие армию на надлежащий путь, еще не проникли в толщу ее, и трудно сказать поэтому, какое они произвели впечатление. Ясно, однако, что одни репрессии не в силах вывести армию из того тупика, в который она попала. Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие, а большевики лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках армейского организма. Развалило армию военное законодательство последних 4-х месяцев. Развалили лица, по обидной иронии судьбы, быть может, честные и идейные, но совершенно не понимающие жизни, быта армии, не знающие исторических законов ее существования. Вначале это делалось под гнетом Совета солдатских и рабочих депутатов – учреждения, в первой стадии своего существования явно анархического. Потом обратилось в роковую ошибочную систему.

Керенский насторожился: так, это уже про него.

– Антон Иванович, – сказал Брусилов, – будьте добры, сократите свой доклад. Иначе совещание затянется.

– Я считаю, – ответил Деникин, – что поднятый вопрос – колоссальной важности. Поэтому прошу дать мне возможность высказаться полностью, иначе я буду вынужден прекратить вовсе доклад.

Наступило молчание, Деникин продолжил:

– Объявлена декларация прав военнослужащих. И как правильно заметил генерал Алексеев: «Декларация, это последний гвоздь, вбиваемый в гроб, уготовленный русской армии».

Керенский вынужден был признаться себе, что, да, он умный, хитрый, изворотливый, поднаторевший в интригах, но для управления государством этого мало. Не хватает твёрдости характера. Такого характера, что взглянул и подчинённые побежали выполнять. А в стране наводить порядок надо, всё очень запущено. Нужен кто-то из генералитета, кто сумеет навести порядок в стране, но в то же время, подчинялся лично ему и, по возможности, беспрекословно. Нужен новый верховный главнокомандующий – добрый мягкий Брусилов не подходит. Он, конечно, подчиняется беспрекословно, но порядок в армии навести, не сможет.

– Невзирая на развал армии, необходима дальнейшая борьба, как бы тяжела она ни была. Хотя бы даже с отступлением к далеким рубежам. Пусть союзники не рассчитывают на скорую помощь нашу наступлением. Но и обороняясь и отступая, мы отвлекаем на себя огромные вражеские силы, которые, будучи свободны и повернуты на Запад, раздавили бы сначала союзников, потом добились бы нас. На этом новом крестном пути, русский народ и русскую армию ожидает, быть может, много крови, лишений и бедствий. Но в конце его – светлое будущее. Есть другой путь, путь – предательства. Он дал бы временное облегчение истерзанной стране нашей... Но проклятие предательства не даст счастья. В конце этого пути политическое, моральное и экономическое рабство. Судьба страны зависит от ее армии. И я, в лице присутствующих здесь министров, обращаюсь к Временному правительству: «Ведите русскую жизнь к правде и свету, – под знаменем свободы! Но дайте и нам реальную возможность: за эту свободу вести в бой войска, под старыми нашими боевыми знаменами, с которых – не бойтесь! – стерто имя самодержца, стерто прочно и в сердцах наших. Его нет больше. Но есть Родина. Есть море пролитой крови. Есть слава былых побед. Но вы – вы втоптали наши знамена в грязь. Теперь пришло время: поднимите их и преклонитесь перед ними»....Если в вас есть совесть!"

Деникин закончил выступление, слегка поклонился, благодаря за внимание. Керенский встал и пожал ему руку:

– Благодарю вас, генерал, за ваше смелое, искренне слово.

Потом выступали Алексеев, Клембовский, Рузский. По сути, они повторили вкратце, то, что было уже сказано Деникиным.

Савинков зачитал телеграмму Корнилова. В ней указывалось на необходимость: введения смертной казни в тылу, главным образом, для обуздания распущенных банд запасных; восстановления дисциплинарной власти начальников; ограничения круга деятельности войсковых комитетов, и установления их ответственности; воспреещения митингов, противогосударственной пропаганды, и въезда на театр войны всяких делегаций и агитаторов. А так же говорилось об усилении комиссариата, путем введения института комиссаров в корпуса, и предоставления им права конфирмации приговоров военно-революционных судов, – а главное, – генеральная чистка командного состава.

Керенский был в восторге:

– Большой широты и глубины взглядов этот человек.

Савинков от себя дополнил Корнилова:

– Это не вина революционной демократии, что солдатская масса не верит своему командному составу. И у командного состава не всё благополучно обстоит и в военном и в политическом отношении. И главная цель комиссаров, этих новых революционных учреждений, восстановить нормальные отношения между двумя составными элементами армии.

Закончилось совещание речью Керенского, где он оправдывался, не говоря ничего конкретного.

В общем, генералитету стало понятно, что правительство их не поняло.

Через несколько дней Деникину пришло письмо от генерала Корнилова:

"С искренним и глубоким удовольствием, я прочел ваш доклад, сделанный на совещании в Ставке, 16 июля. Под таким докладом я подписываюсь обеими руками, низко вам за него кланяюсь, и восхищаюсь вашей твердостью и мужеством. Твердо верю, что с Божьей помощью нам удастся довести до конца дело воссоздания родной армии, и восстановить ее боеспособность".

В полночь с вокзала в Могилёве поезд министра-председателя отбыл в Петроград. Керенский пригласил поехать с собой в столицу комиссара Юго-Западного фронта Бориса Викторовича Савинкова и комиссара 8 армии того же фронта, Максимилиана Максимилиановича Филоненко.

Чистота и роскошность вагона поражало воображение. Впрочем, чему удивляться? Это бывший литерный поезд императора России.

Адъютанты Керенского поручик Виннер и мичман Кованько принесли чай, подали сахар и бублики. Мерно стучали колёса, за окном вагона проносилась тёмная ночь, дрожали стаканы в серебряных подстаканниках, звякали о стекло серебряные ложечки.

Попутчики пили чай, сидели, разговаривали. Говорил, в основном, Керенский. Он вскакивал с кресла, ходил по вагону, вставал в картинные позы (он когда-то, в молодости мечтал о карьере оперного певца). Говорил министр-председатель о важных вещах – о переустройстве власти в стране.

– В стране анархия, – вещал он, – большевики разрушали армию, и потянулась цепочка. Стало рушиться всё, что с нею связано. Ломать просто, наводить порядок сложно!

И, наконец, совершенно неожиданно Керенский предложил Савинкову стать его заместителем по армии и флоту, стать «товарищем министра» как тогда говорили. Освободить самого себя от должности министра армии и флота

министр-председатель совершенно не хотел.

– А вас, Максимилиан Максимилианович, хочу назначить комиссаром при верховном главнокомандующем. Брусилова я давно думаю убрать с должности. Не справляется старик. Но кого назначить? Этот вопрос архи важный! Лучше всех из генералитета я знаю Деникина, я много раз бывал у него на Западном фронте и вообще Антон Иванович мне симпатичен. Но его сегодняшнее выступление! Если всё, что он говорил воплотить в жизнь, то мы получим более серьёзного врага, чем германцы. Врагом этим будет наш собственный солдат. Но решительный и твёрдый верховный главнокомандующий нужен и нужен уже давно.

Керенский сделал паузу, Савинков и Филоненко переглянулись.

– Александр Фёдорович, мы предлагаем кандидатуру Корнилова Лавра Георгиевича, – сказал Савинков.

– Корнилова? – спросил Керенский.

Он этого ожидал, а иначе, зачем бы он их приглашал? Ещё на совещании он решил, что новым главнокомандующим будет Корнилов. И понятно было, что комиссары Юго-Западного фронта предложат кандидатуру своего начальника, которого хорошо знают и на которого, скорее всего, имеют какое-то влияние. Но предложение исходит не от него, в случае чего Корнилова можно будет снять с должности, а обвинить, если что, Савинкова.

– Корнилова? Я его плохо знаю. И его требования отмены смертной казни очень резки по стилю. Хотя, надо признать, при сложившихся обстоятельствах, смертная казнь в войсках необходима. И я с этим согласился, пусть мера эта и не демократична.

– Лавр Георгиевич согласен с институтом комиссаров при армии, – напомнил Савинков.

Про смертную казнь, это была его идея, и Корнилов был с нею согласен, но именно он, Савинков, уговорил генерала написать об этом Керенскому. Савинкову надо было прощупать: пойдёт ли Керенский на уступки, можно ли будет его подвинуть в будущем. Оказалось – можно. На уступки Керенский

пошёл.

– Что ж, – задумчиво сказал Керенский, – я подумаю над вашим предложением.

И 19 июля новым верховным главнокомандующим был назначен Лавр Георгиевич Корнилов.

Корнилов не отказался от предложения, но потребовал от правительства:

1) ответственности перед собственной совестью и всем народом.

2) полного невмешательства в его оперативные распоряжения, и поэтому, в назначение высшего командного состава.

3) распространения принятых за последнее время мер на фронте и на все те местности тыла, где расположены пополнения армии.

4) принятия его предложений, переданных телеграфно на совещание в Ставку 16 июля.

На следующий день, 20 июля от правительства поступило распоряжение о назначении на должность командующего Юго-Западного фронта генералу Владимиру Андреевичу Черемисову. Корнилов был категорически против, о чём он известил военное министерство. А также добавил, что пока его требования не будут удовлетворены, он в Ставку не поедет.

– Это уже слишком, – развёл руками Керенский, – какой-то казак ещё будет диктовать нам свои условия!

Министр-председатель был несколько растерян: другого кандидата на роль верховного главнокомандующего у него не было.

– А что вы хотели, Александр Фёдорович? – спокойно сказал Савинков. – Да, Лавр Георгиевич крут, упрям, твёрд. А как вы хотели, что бы в армии порядок наводили? Оставили бы тогда Брусилова. Алексей Алексеевич никаких требований бы не выдвигал. Корнилов хочет убедиться, что вы ему действительно доверяете, и не будете мешать наводить порядок в армии, что вы

на его стороне.

Филоненко кивнул, соглашаясь со словами Савинкова:

– Это Завойко, адъютант Корнилова, интригует. Он видит Корнилова новым Бонапартом России.

Керенский насторожился. Новым Наполеоном России видит себя именно он.

– А новый Бонапарт, – продолжал Филоненко, – должен прославиться на военном поприще.

А вот с этим у Александра Фёдоровича было плохо, он даже в армии никогда не служил, но победу, как известно, добывают солдаты, а слава достаётся генералам или их начальникам.

– Да, – согласился Савинков, – Лавр Георгиевич подготовил наступление на своём фронте, если оно пройдёт удачно, то все лавры, – тут Савинков усмехнулся своему каламбуру, – достанутся Черемисову.

– И что вы предлагаете, Борис Викторович? – спросил Керенский.

– Согласится на его требования. Частично. Правительство не будет вмешиваться в назначения на высшие командные должности, но будет контролировать их. Всё остальное будет вводиться постепенно, что бы ни будоражить солдатские массы. А ответственность перед собственной совестью и народом, это, в общем-то, девиз Временного правительства. Черемисова снимем после проведения намеченной операции. С повышением, если операция пройдёт удачно или с понижением, если пройдёт не удачно.

– Я соглашусь с вами, Борис Викторович. Максимилиан Максимилианович, вы всё слышали?

– Да и полностью с этим согласен.

– Тогда отправляйтесь в Бердичев к Корнилову. Вы, всё-таки, назначены комиссаром при верховном главнокомандующем.

Вскоре Корнилов из Бердичева прибыл в Могилёв. А после успешного прорыва германских позиций Черемисовым на пост главнокомандующим Юго-Восточным фронтом был назначен Деникин, а сам Черемисов отозван в Петербург.

Для Корнилова началась размеренная жизнь в Ставке верховного главнокомандующего.

3

Корнилов смотрел в окно на Днепр. Был новый верховный главнокомандующий небольшого роста, худощавый, тёмноглазый, лицо скуластое с редкой бородкой и усами, руки тонкие, но жилистые и имел кривые ноги прирождённого кавалериста. В Могилёве, в отличие от своих предшественников, предпочитавших новинку века – автомобиль, Корнилов передвигался верхом. Не смотря на тщедушную фигурку генерала, в нём чувствовалась внутренняя сила, воля. Характер у него прямой и твёрдый. Но он искренне соглашался с восточной мудростью, что только дурак всё знает, а умный во всём сомневается. Иногда это его убеждённости мешала оперативно принять решения. Он знал и любил изящную восточную поэзию и, при случае, мог щегольнуть цитатой какого-нибудь восточного, в основном персидского поэта. Владел он в совершенстве французским языком, что естественно для офицерской среды России, знал язык врагов – немецкий и английский, а кроме персидского языка, знал ещё урду и хорошо говорил на туркменском языке. Со своим конвоем, состоящим из текинцев, он общался исключительно на их языке. Это ему напоминало о молодости. Он вообще любил вспоминать о своих приключениях в Персии и Афганистане. А вот в людях разбирался плохо. Этот свой недостаток он знал.

Стоя у окна, Корнилов размышлял о Филоненко. Кто он? Друг или враг? В любом случае, он соглядатай Керенского или Савинкова или обоих сразу. Впрочем, Филоненко человек недалёкий, могли импользоваться втёмную и тот и другой.

Глупый, но деятельный – что может быть хуже! Сразу, по прибытию развернул бурную деятельность по разоблачению монархического заговора. Заговоры ему раскрыть не удалось, но нервы испортил многим.

В Ставке 30 июля состоялось совещание о снабжении армии. Присутствовали министры продовольствия и путей сообщения, их заместители и помощники. Доклад о железнодорожном транспорте был особенно удручающим. Корнилов предполагал, что в стране всё плохо, но настолько, что можно оставить армию без подкрепления и боеприпасов, он не ожидал. И в конце совещания, подводя итоги, Корнилов сказал:

– Положение удручающее. Как я понимаю, для победы России нужно иметь три армии. Одну на фронте, одну в тылу, работающую на нужды фронта, и железнодорожную. И во всех трёх армиях требуется установить железную, я бы сказал жесточайшую дисциплину.

С ним, естественно, согласились, а он приказал генерал-квартирмейстеру Ставки Плющик-Плющевскому составить докладную записку Временному правительству. И, что бы угодить главнокомандующему, он составил записку в жёсткой, почти в ультимативной форме. Корнилову текст записки не очень понравился, но переделывать текст не счёл нужным. Но позвонил по прямому проводу в Петербург Савинкову, ознакомил с запиской.

– Лавр Георгиевич, не слишком жёстко? – спросил Савинков. – Перепугаете всех до ужаса. Не слишком ли вы спешите?

– Спешить плохо, но в добром деле – похвально. Вы в правительстве слишком связаны с Советами, и ни на что решиться не можете. Нужно бороться, иначе страна погибнет. Ко мне приходили с предложением о возведении на престол великого князя Дмитрия Павловича. Я против категорически! Я ни на какую авантюру с Романовыми не пойду. Предоставьте мне власть, тогда я поведу решительную борьбу. Нам нужно довести Россию до Учредительного собрания, а там пусть делают что хотят: я устранюсь и ничему препятствовать не буду. Я разговаривал об этом с Антоном Ивановичем Деникиным, он полностью на моей стороне.

Савинкову было над чем задуматься. То, что генералитет был на стороне верховного, это, конечно, хорошо, слава Богу, что не весь. Есть пространство для

манёвра. Намерения у Савинкова были простые: соединить Керенского и Корнилова. То есть совместить не совместимое да ещё под своим контролем. Корнилов настоящий солдат – прямой и честный. Для него главное Родина, а свобода, революция это всё словеса. Может ли такой человек руководить страной в одиночку? Нет, не сможет. Порядок навести сможет, а вот управлять – нет. А Керенский? Адвокат, сын богатого чиновника. Говорит много, говорит правильно, а о чём не понятно. Юрист. Получиться ли у него навести порядок, и руководить страной? Ничего у него не получится! Но у него авторитет революционера. Для него свобода, революция – это главное, а Родина, это вторично. Руководить страной сможет кое-как, если кто-то за него наведёт порядок. Вся затея Савинкова строилась на том, что Керенский и Корнилов сойдутся, а управлять ими будет он, Савинков. Он на это надеялся и не считал это невозможным. Как там сказал Пушкин?

Они сошлись. Волна и камень,

Стихи и проза, лед и пламень.

Обязательно должны были сойтись. Савинков посоветовал Корнилову пока не показывать записку Керенскому, а отдать её Филоненко, а после приёма у министра-председателя, перед заседанием правительства, встретиться с ним, Савинковым.

В ночь на 3 августа Корнилов выехал в Петроград. В Павловске в поезд сел Филоненко. Ознакомившись с запиской, он сказал Корнилову:

– Да... Записка составлена грубо, по солдафонски, прямо как ультиматум. Вы не находите, Лавр Георгиевич?

– Да, это так. Но переделывать некогда, да и слова не важны, важны действия. В конце концов, мы делаем одно дело – спасение России.

Филоненко ничего не ответил, пожал плечами, а записку оставил себе.

Поезд верховного главнокомандующего въезжал в утро и в черте Петрограда наехал на вагонетку, перевозившую шпалы. Ничего страшного, но поезд прибыл на вокзал около полудня с опозданием на час.

Корнилов с вокзала тут же направился в Зимний дворец к Керенскому, а Филоненко с запиской к Савинкову на Мойку в особняк военного министра.

Над Зимним дворцом вместо жёлтого царского штандарта с чёрным двуглавым орлом, развивался красный революционный флаг, значить министр-председатель на месте. Многие были не довольны, что Керенский поселился в царской резиденции. Но с другой стороны, а где ему ещё жить? Здесь заседало Временное правительство, а сам министр-председатель не питерский, он из Симбирска, десять лет жил в Ташкенте и своего жилья в Петрограде не имеет. Не квартиру же ему снимать! А работал он иногда и до рассвета.

Корнилов шагал по пустым залам Зимнего дворца на третий этаж, где располагался кабинет товарища Керенского. Вот какой он ему товарищ? Керенский происходил из семьи зажиточных разночинцев, предки его были священнослужителями, отец – преподаватель, дослужившийся до действительного статского советника и получившего право на потомственное дворянство. Сам Александр Фёдорович успешный адвокат, сделавший карьеру на революции. А он, Корнилов, выходец из сибирских казаков. Детство своё в станице Каркаралинской, а затем в Зайсанской он помнил плохо. Бедность, степь, кони, пыль – ничего интересного. Генеральские погоны он добыл своим умом и отвагой. Начало было не очень. За первую свою разведывательную экспедицию в Афганистан капитан Корнилов получил выговор. Он с туркменами без разрешения, по собственной инициативе, доехал до построенной англичанами для туземцев крепости Дейдади. Привёз от туда пять фотографий крепости и описание дороги, составил докладную записку о возможных трудностях в случае войны. Его непосредственный начальник, генерал Ионов немедленно направил рапорт командующему округом рапорт об экспедиции и с требованием немедленно наградить капитана Корнилов орденом Святого Владимира с мечами и бантом. Но командующий посчитал иначе и наградил обоих выговорами. Ионов получил строгий выговор, Корнилов – просто выговор. Но его заметили. Потом Корнилову поручали новые экспедиции в Кашгар, Персию, Белуджистан. Далее война с Японией, дипломатическая служба в Китае, война с Германией, плен, побег. И вот он, Корнилов, генерал от инфантерии, идёт на доклад к какому-то выскочке.

В библиотеке императора Александра III, Керенский принял верховного главнокомандующего.

– Ваши обращения к правительству, генерал, – с раздражением в голосе сказал министр-председатель, – звучат как ультиматумы.

– «Железо железным смягчают ударом», – процитировал поэта Низами генерал Корнилов. – Дело не во мне, а в обстановке в стране. Требуются немедленные жёсткие меры! Если правительство проявит нерешительность и мягкотелость, то я лучше уйду в отставку.

– Может быть, вы и мне предложите уйти в отставку?

– Вам? – удивился Корнилов.

– Да. Допустим, я уйду. Что дальше?

– Вы, Александр Фёдорович, признанный вождь демократических партий. Да, возможно, ваше влияние на народные массы несколько снизилось. Но в отставку вам уходить рано и не приемлемо. По другому и быть не может, – твёрдо сказал Корнилов.

Керенский был польщён, но не успокоен.

«Хочет ли мой отставки Корнилов или нет? – думал министр-председатель. – Наверное, хочет. Кто же не захочет стать полновластным правителем России?»

До заседания правительства было ещё четыре часа, и Корнилов после Керенского направился к Савинкову.

Савинков изучал докладную записку.

– Нет, Лавр Георгиевич, – сказал он Корнилову, – не надо её предоставлять правительству. Военное министерство готовит аналогичные меры и не стоит его подгонять. Поверьте, мы работаем.

Корнилов оставил записку Савинкову и Филоненко начал её переработку.

На заседании правительства Корнилов докладывал только обстановку на фронте. Положение российской армии – ужасное. И Корнилов не скрывал это.

– Я думаю, – говорил он, водя указкой по карте, – наступление немцев может начаться здесь и здесь. Цель – захват Риги.

За окнами раздался звук лопнувшей шины, все инстинктивно пригнулись. Корнилов оставался спокойным.

– Я не думаю, что немцы сразу же начнут развивать наступление на Псков и Петроград. Сил у них не хватить. Если у них получится овладеть Ригой, то они, скорее всего, закрепятся на захваченных рубежах и будут копить силы. А вот дальше – Псков и Петроград. Мы же в данном районе располагаем...

Корнилов начал озвучивать наименования частей, говорить о количестве войск, вооружения и боеприпасов.

Савинков что-то шепнул Керенскому, тот кивнул и крупно написал в блокноте: «Генерал, воздержитесь от оглашения секретных данных». И показал это Корнилову.

Корнилов был ошеломлён. Доклад был скомкан и Корнилов его быстро закончил.

4

После окончания заседания в коридоре Зимнего дворца Корнилов спросил Савинкова:

– Борис Викторович, что это означает – «воздержаться от оглашения секретных сведений»? В правительстве – что? Есть предатели?

– Чему вы удивляетесь, Лавр Георгиевич?

– Как чему? Как это может быть? Членов правительства, их имущество, капитал, жизнь, в конце концов, защищает государство! В его распоряжении армия, полиция, суды...

– Армия в развале, вы сами только что об этом докладывали. И, уверяю вас, с полицией и судами дела обстоят не намного лучше. Некоторые задумываются о будущем.

– Но предавать Родину!

– Для нас с вами Родина, а для кого-то это территория, где они, будучи в душе европейцами, по воле злого рока появились на свет.

Корнилов удивлённо и растерянно посмотрел на Савинкова и произнёс красивую фразу на звучном языке.

Савинков не знал персидского языка и спросил:

– Что вы сказали?

Корнилов охотно перевёл:

– Не приложу ума, что с миром стало:

Благоннадёжных тьма, надёжных – мало.

– Очень верные слова, Лавр Георгиевич, – с искренним восхищением произнёс Савинков.

– Да. Это Фирдоуси, великий персидский поэт. Сказано тысячу лет назад, а верно до сих пор. Вот ещё строчка:

– Таков закон дворца, где правит зло:

То ты в седле, то – на тебе седло.

– Красиво, – одобрил Савинков, – и, в принципе, верно. Хотя сейчас во дворце зло не правит. А вот если к власти придут большевики! Вот тогда – да! У них принципов нет, и крови они не боятся! Они порядок наведут! Такой, что Россия содрогнётся. Их мало, но желание захватить власть в стране у них огромное.

Савинков осёкся. Это будет катастрофа, если Корнилов с Лениным договориться. Два сильных и умных человека могут многое сотворить. Правда, Корнилов честен и благороден, хоть и из казаков, а Ленин – нет, хоть и из дворян. Впрочем, этот союз не вероятен.

– Большевики – это передовой отряд германцев, – продолжил Савинков. – Вы, Лавр Георгиевич, читали в «Живом Слове» подборку телеграмм? Статья называлась «Ленин, Ганецкий и К° – шпионы».

– Разумеется. Но там не так всё однозначно.

– А вы хотели, что бы Германский Генеральный штаб подтвердил это? Или расписки в получении денег опубликовать? Так не бывает.

– Это я понимаю.

– Рассудите сами, Лавр Георгиевич. Ленин, русский революционер, из Швейцарии в Швецию, проехал через всю воюющую с Россией Германию беспрепятственно! И ни кто его не задержал. Чудес не бывает, генерал.

– Ленин, конечно, не шпион, но он действует в интересах Германии. Это очевидно.

– Рад, что мы находим общий язык, Лавр Георгиевич.

Савинков действительно был рад, что Корнилов на его стороне и подвержен его влиянию, а то он было засомневался. Теперь осталось подмять под себя министра-председателя, навести порядок в России, а затем встать во главе страны. Хозяин должен был быть один. Савинков искренне считал, что монархия изжила себя, что крестьянам надо дать землю, но не за счёт помещиков, рабочие

должны иметь возможность управлять своими предприятиями через акции этих предприятий, но, при этом, суметь сохранить и интеллигенцию, как военную, так и гражданскую.

Корнилов это же ночью уехал к себе в Могилёв. Его переработанная записка легла на стол Керенскому.

А через день в «Известиях» Петроградского совета появились обширные выдержки из записки Корнилова Временному правительству. Левые газеты кричали о контрреволюции Корнилова и попытки установить военную диктатуру.

Савинков клялся, что он тут не причём.

Тогда кто причём?

Поползли упорные слухи об отставке верховного главнокомандующего. Это дошло до Корнилова.

– Я за свой пост не держусь, – с лёгким презрением сообщил он.

Но офицерский корпус России так не считал и на Керенского обрушился вал телеграмм от Союза казачьих войск, Союза офицеров армии и флота, Союза георгиевских кавалеров и прочих им подобных организаций с требованием оставить Корнилова на посту главнокомандующего.

Керенский окончательно потерял доверие к Корнилову. Савинков был в отчаянье – его многоходовка рушилась на глазах.

Но Керенский отдавал себе отчёт, что с анархией в стране он самостоятельно не справится, что нужна твёрдая рука. Но в то же время на собрании в Смольном, куда недавно перебрался из дворца Кшешинской Всероссийский Центральный Исполнительный комитет Советов, он клялся в верности демократическим принципам:

– Пока я у власти, товарищи, – говорил он, – я не допущу ни какого проявления самодержавия!

В это же время были выпущены из заключения, арестованные в июле большевики, – Каменев и Луначарский.

А Корнилов в Могилёве уже перестал думать об отставке, полагая, что ни к чему хорошему она не приведёт. А военная диктатура не такая уж и плохая идея. Главное, с какой целью она устанавливается. А цель благородная – спасение России! Главное, это вытащить Россию из болота анархии и не допустить прихода к власти большевиков, этого передового отряда германских войск.

А Керенский? А что, Керенский? И опять в мозгу всплыли строки бессмертного Фирдоуси из его «Шахнаме»:

Так ярко на небе сияла луна

Но солнце взошло, и погасла она.

Всегда после тьмы наступает рассвет.

И только прекрасней кажется свет.

Но он колебался, ещё ничего твёрдо не решив.

Утром, 7 августа, от него поступило распоряжение о выводе с Румынского фронта Третьего конного корпуса и Кавказской туземной дивизии, и разместить их в районе Невель – Великих Лук. От Невеля прямой путь по железной дороге на Петербург, с Великих Лук на Москву, но и Рига не исключена. Вопрос в том, где они больше понадобятся. До Риги около трёхсот вёрст, до Петрограда – пятьсот, до Москвы чуть больше четырёхсот. Но не в расстоянии дело, о чём начальник штаба Корнилова генерал Лукомский не преминул сообщить Керенскому.

На следующий день, 8 августа, Савинков стал настаивать, что бы Керенский подписал записку Корнилова и представил её Временному правительству.

– Я никогда, ни при каких обстоятельствах, Борис Викторович, не подпишу эту записку, – упорствовал Керенский.

Он стоял, опираясь кулаками на стол, и из-под лобья смотрел на своего заместителя по военным и морским делам.

– Но почему, Александр Фёдорович?

– Вы хотите, что бы я собственноручно дал добро на установление диктатуры Корнилова? Вот здесь написано: «Введение на всей территории России в отношении тыловых войск и населения юрисдикции военно-революционных судов, с применением смертной казни за ряд тягчайших преступлений, преимущественно военных». И что это, по-вашему, как не установление диктатуры?

– Мы собираемся наводить порядок в России или ну его на фиг?

– Что за выражения, Борис Викторович? Собираемся, но не такими методами!

– А какими?

– Демократическими.

– Если не будет кнута – пряник не поможет!

– Тиранию мы не допустим!

– Тогда я подаю в отставку, Александр Фёдорович!

– Не имею ничего против, Борис Викторович!

Савинков по-военному развернулся через левое плечо и вышел из кабинета.

Керенский смотрел ему вслед и думал, что предложение Корнилова правильное, что так и надо действовать, но Советы не одобряют, а воспримут как наступление на завоевания февральской революции. А это может стоить ему кресла министра-председателя.

Керенский был прав – Советы меньшевиков и эсеров были против любой диктатуры. В результате они дождались диктатуры пролетариата, в лице его передового авангарда – Российской Социал-Демократической Рабочей партии (большевиков).

Утром, 9 августа, Савинков связался по прямому проводу с Корниловым и предложил ему немедленно прибыть в Петроград.

– Я вам докладывал, что положение на фронтах сложное, и я бы предпочёл остаться в Ставке, – возразил Корнилов.

Положение на фронтах действительно было сложное, но причина отказа была не в этом. Доброжелатели уже успели нашептать Корнилову, что вагонетка со шпалами была не просто так: а если это неудавшееся покушение? И что дыма без огня не бывает, если говорят, что снимут с должности, то снимут и снимут именно в Петрограде. А могут после, и убить там же. Корнилов был храбрый человек и смерти не боялся, но хотя бы знать: откуда пуля прилетит!

– Лавр Георгиевич, если тыла не будет, то армию ничего не спасёт. Порядок в стране наводить надо, а Керенский осторожничает. Надо, что бы надавили на него своим авторитетом.

Главнокомандующий нехотя согласился и в тот же вечер уехал.

Телеграмма от Керенского, сообщавшая, что правительство не видит необходимости присутствия в столице верховного главнокомандующего, его в Ставке не застала.

Утром 10 августа по улицам Петрограда в направлении Зимнего дворца двигался открытый легковой автомобиль с вооружёнными текинцами, далее закрытый автомобиль с главнокомандующим и свитой, а замыкал колонну грузовик с

пулемётами. У Зимнего дворца текинцы как в бою заняли вестибюль, и установили два пулемёта и только потом во дворец вошёл сам главнокомандующий в сопровождении охраны.

Керенский встретил Корнилова холодно и прямо с порога заявил, что он лично не приглашал главнокомандующего и, поэтому, не ожидал его увидеть здесь.

– Но если вы уже всё равно здесь, Лавр Георгиевич, то в 6 часов вечера состоится заседание правительства, где вы можете изложить свои предложения по реорганизации армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gusev_anatoliy/myatezh

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)